

**Федеральное государственное казённое образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»**

**СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО
РОССИИ – УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ
ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ**

**Сборник материалов
Международной научно-практической конференции**

19–20 октября 2017 года

**К 300-летию российской полиции
и 100-летию советской милиции**

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2017

УДК 343.1
ББК 67.99(2)93
С56

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент А. В. Гришин (председатель);
доктор юридических наук, доцент Е. В. Марковичева (заместитель председателя);
кандидат юридических наук, доцент Ю. П. Якубина;
кандидат юридических наук Е. А. Семёнов; кандидат юридических наук О. А. Ветрова;
С. А. Лукьянчикова (ответственный секретарь)

С56 «Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», **Международная науч.-практическая конф. (2017 ; Орёл)**. Международная научно-практическая конференция «Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», 19–20 октября 2017 года : [к 300-летию российской полиции и 100-летию советской милиции : сборник материалов] / редкол. : А. В. Гришин [и др.]; Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017. – 456 с.

ISBN 978-5-88872-211-4

В сборник материалов включены статьи профессорско-преподавательского состава, практикующих юристов, докторантов, адъюнктов и аспирантов, представленные для участия в Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» (19–20 октября 2017 года).

Тексты статей публикуются в авторской редакции.

УДК 343.1
ББК 67.99(2)93

ISBN 978-5-88872-211-4

© ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017

Ключевые слова: следственные действия, иные процессуальные действия, предварительное расследование.

УДК 343.14

Россинский С. Б.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ ЗА ПРОИЗВОДСТВОМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Настоящая статья посвящена проблемам судебного контроля за проведением следственных действий в досудебном производстве по уголовному делу.

В статье пересматривается ранее высказываемая автором точка зрения о надежности последующего судебного контроля и делается вывод о том, что при отсутствии в России института следственных судей наиболее приемлемым будет частичная реставрация механизмов прокурорского надзора, располагающего достаточным потенциалом защиты прав и законных интересов личности.

В последние годы на фоне общей тенденции, направленной на имплементацию в систему национального судопроизводства международно-правовых ценностей, в уголовно-процессуальной науке достаточно пристальное внимание уделяется проблемам судебного контроля за производством следственных действий, ограничивающих конституционные права личности. Этот институт предварительного расследования – предмет постоянных дискуссий.

Закон предусматривает предварительный и последующий судебный контроль механизмы за проведением следственных действий, различающиеся по времени рассмотрения судом соответствующих материалов. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ в качестве основной формы использует предварительный контроль. По общему правилу, установленному ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ, следователю вначале надлежит заручиться соответствующим судебным решением и лишь потом произвести осмотр, обыск, выемку и т.д. И только в исключительных случаях, связанных с безотлагательностью производства следственного действия, законодатель допускает возможность использования механизмов последующего судебного контроля в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Очевидно, это объясняется желанием законодателя установить в уголовном судопроизводстве такой юрисдикционный режим обеспечения прав и свобод личности, который бы полностью соответствовал международно-правовым стандартам и Конституции РФ. Но анализ основополагающих актов международного

права показывает, что ни в одном из них не содержится каких-либо прямых предписаний относительно необходимости предварительного судебного контроля за производством следственных действий. Кстати, по этому поводу не наблюдается и какой-либо определенности в решениях Европейского суда по правам человека.

Получается, что приоритет предварительного судебного контроля в части производства следственных действий – это внутренний вопрос Российской Федерации, требующий разрешения на уровне национального законодательства? Однако анализ Конституции РФ позволяет констатировать, что она прямо устанавливает необходимость получения судебного решения лишь в связи с ограничением права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В отношении неприкосновенности жилища ст. 25 Конституции РФ содержит менее резкое предписание: «Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или (!) на основании судебного решения». Таким образом, судебное решение в конституционно-правовом контексте рассматривается не как единственная, а всего лишь как дополнительная гарантия неприкосновенности жилища, применяемая в случаях, прямо не урегулированных соответствующим федеральным законом.

Судебный контроль за некоторыми другими следственными действиями привязан к тексту Конституции РФ вообще достаточно условно и с очень большой натяжкой. Например, подобная ситуация складывается в сфере правового регулирования осмотра, обыска или выемки у адвоката, судебную защиту которого можно лишь косвенно обосновать конституционным правом на получение квалифицированной юридической помощи и весьма спорными позициями Конституционного Суда РФ, увязывающими адвокатскую тайну с неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайной.

В вопросах правового регулирования следственных действий УПК РФ почему-то пошел по наиболее сложному пути, очевидно, продиктованному желанием как можно более наглядно продемонстрировать переход РФ к принципиально новой идеологии уголовного судопроизводства.

На первый взгляд, указанные идеи являются безупречными. Но правовые иллюзии законодателя о судебной защите прав личности при производстве следственных действий развеиваются, когда речь заходит уже не о самих либеральных принципах, а о конкретных механизмах их реализации, предусмотренных ст. 165 УПК РФ. Будучи направленным, главным образом, на обеспечение материальных ценностей, предварительный судебный контроль оказывается не лишенным целого ряда существенных недостатков организационного и процессуального характера.

Один из них заключается в том, что посредством предварительного судебного контроля на практике создаются дополнительные правовые пре-

грады для быстрого и эффективного производства на первоначальном этапе расследования. Вполне очевидно, что и осмотр, и обыск, и даже выемка зачастую являются первоначальными следственными действиями и нередко осуществляются в условиях цейтнота. Сотрудники органов дознания и предварительного следствия в ряде случаев просто физически не успевают выполнить все предусмотренные ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ условия и получить в установленном порядке судебное решение. К тому же на практике подобные процедуры зачастую оказываются слишком забюрократизированными, требующими подготовки целого комплекса различных документов.

Сложность получения предварительного судебного решения на производство следственного действия порождает еще одну практическую проблему – тенденцию к злоупотреблению правом на осуществление осмотра, обыска или выемки в условиях безотлагательности. В ряде случаев органы предварительного расследования просто маскируют следственные действия под безотлагательные либо искусственно создают соответствующие условия. Вследствие этого осмотр, выемка и особенно обыск проводятся без предварительного судебного решения в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

На первый взгляд, можно предположить, что рассмотренный недостаток судебного контроля имеет исключительно организационно-кадровый аспект и вполне устраним посредством повышения профессионализма, правосознания, правовой культуры и личной ответственности следователей. Однако данный механизм имеет и еще одну «ахиллесову пяту» уже сугубо процессуального характера. Дело в том, что ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ устанавливают такую форму предварительного судебного контроля за производством следственных действий, которая осуществляется в условиях тайны, то есть посредством двусторонних правоотношений между судом и участниками уголовного процесса со стороны обвинения.

И действительно, как можно не сохранять в тайне решение о производстве обыска, если его эффективность напрямую зависит от внезапности проведения. Кстати, эта позиция прямо вытекает и из п. 6 недавно увидевшего свет постановления Пленума Верховного Суда от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)».

Установленный законом порядок получения предварительного судебного решения на производство следственного действия не соответствует современному представлению о состязательных механизмах реализации судебной власти. Предварительный судебный контроль в этой части, скорее, напоминает не деятельность суда, а некую административную процедуру, которую отдельные авторы называют судебным санкционированием [2, С. 20; 3, С. 331]. Он мало чем отличается от существовавшего ранее (по УПК РСФСР) прокурорского порядка санкционирования обыска; разница

по существу заключается лишь в том, что роль прокурора теперь выполняет другое должностное лицо – судья. А решение по-прежнему принимается исключительно на основании представленных следователем материалов.

Кстати, на данный факт указывают и статистические данные, согласно которым суды удовлетворяют ходатайства органов предварительного расследования о проведении следственных действий практически в 100% случаев. А редкие отказы обусловлены исключительно формальными основаниями.

Ввиду обозначенных выше проблем мы уже неоднократно писали, что основной способ обеспечения конституционных прав личности при производстве следственных действий – предварительный судебный контроль – представляет собой весьма слабую, малоэффективную и достаточно сомнительную процессуальную гарантию. А его использование оказывает, скорее, негативное влияние на современную правоприменительную практику. И в своих прежних публикациях мы предлагали в качестве выхода из сложившейся ситуации полную замену предварительного судебного контроля последующим судебным контролем. Однако наши дальнейшие изыскания по данному вопросу сильно поколебали эту позицию, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, невзирая на всю благонадёжность и высокую степень правовых гарантий судебной власти, судья, рассматривающий поступивший материал в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, остается в конкретном уголовном деле «случайным», временным участником, в нужной мере не владеющим его содержанием, не способным (с учетом и без того колоссальной нагрузки) за предоставленный законом 24-часовой срок досконально разобраться во всех хитросплетениях и нюансах, предопределяющих законность (незаконность) и обоснованность (необоснованность) того или иного следственного действия. Проведенное нами выборочное интервьюирование правоприменителей свидетельствует о практически 100%-й судебной поддержке результатов подобных следственных действий, что превращает установленную законом гарантию доброкачественности в очередную профанацию.

Во-вторых, возможность последующего судебного контроля за производством следственных действий фактически дублируется посредством установленного ст. 125 УПК РФ механизма обжалования правоприменительных актов органов предварительного расследования, причиняющих ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затрудняющих доступ граждан к правосудию. Поэтому если кто-либо из заинтересованных лиц и намерен активно оспаривать законность и обоснованность проведенного осмотра, обыска, выемки, то он (его защитник или представитель) вполне может подать в суд соответствующую жалобу.

В уголовно-процессуальной науке в последнее время усиливается тенденция, связанная с нормативной реставрацией прежних прокурорско-

надзорных механизмов как средств обеспечения законности производства следственных действий [1, С. 196–197]. Разделяя данную точку зрения, полагаем, что при отсутствии в России института следственных судей наиболее приемлемым является частичная реставрация советского механизма прокурорского надзора за законностью и обоснованностью следственных действий. Представляется, что полноценный прокурорский надзор содержит в себе достаточно процессуальных гарантий, чтобы защитить и обеспечить конституционные права и законные интересы лиц, вовлеченных в орбиту досудебного производства по уголовному делу.

1. Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения. М.: Юрлитинформ, 2017.
2. Рябцева Е.В. Судебное санкционирование в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2010.
3. Татьяна Л.Г. Судебное санкционирование как форма реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации / под ред. И.М. Мацкевича, Е.С. Шугриной. Т. 2. М.: МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович. Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Ключевые слова: судебный контроль, следственные действия, прокурорский надзор, осмотр жилища, обыск.

УДК 343.1

Рудич В. В.

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, УКАЗАННЫХ В СТ. 99 УПК РФ, ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ОБВИНЯЕМОГО

Рассматриваются особенности установления фактических обстоятельств, учитываемых при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении обвиняемого в совершении преступле-